

Г. С К Р Е Б И Ц К И Й

ЛЕСНОЙ ГОЛОСОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ЧИТАЕМ САМИ

Г. СКРЕБИЦКИЙ

ЛЕСНОЙ ГОЛОСОК

РАССКАЗЫ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1984

Дорогие первоклассники!

Эту книгу написал для вас Георгий Алексеевич Скребицкий. Всё, о чём он рассказывает в ней, случилось, когда он был ещё маленьким.

Он, как и многие из вас, очень любил слушать и читать книги о жизни зверей и птиц, книги о путешествиях, о природе. Он любил ходить в лес, на речку, воображать себя смелым путешественником, охотником, любил наблюдать за животными.

В доме у него всегда жили синички, сороки, ёжики, зайчишки, белочки.

Георгий Алексеевич с большой теплотой часто вспоминал своих четвероногих и крылатых друзей детства, и ему очень хотелось, чтобы и все ребята были добры к животным, жалели, воспитывали их.

Напишите нам, понравились ли вам эти рассказы, любите ли вы животных, есть ли у вас какие-нибудь питомцы.

Пишите нам по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

РИСУНКИ А. КЕЛЕЙНИКОВА

ПУШОК

В доме у нас жил ёжик, он был ручной. Когда его гладили, он прижимал к спине колючки и делался совсем мягким. За это мы его прозвали Пушок.

Если Пушок бывал голоден, он гонялся за мной, как собака. При этом ёж пыхтел, фыркал и кусал меня за ноги, требуя еды.

Летом я брал Пушка с собой гулять в сад. Он бегал по дорожкам, ловил лягушат, жуков, улиток и с аппетитом их съедал.

Когда наступила зима, я перестал брать Пушка на прогулки, держал его дома. Кормили мы теперь Пушка молоком, супом, мочёным хлебом. Наестся, бывало, ёжик, заберётся за печку, свернётся клубочком и спит. А вечером вылезет и начнёт по комнатам бегать. Всю ночь бегаёт, лапками топает, всем спать мешает. Так он у нас в доме больше половины зимы прожил и ни разу на улице не побывал.

Но вот собрался я как-то на санках с горы кататься, а товарищей во дворе нет. Я и решил взять с собою Пушка. Достал коробочек, настелил туда сена и посадил ежа, а чтобы ему теплей было, сверху тоже сеном закрыл. Коробочек поставил в санки и побежал к пруду, где мы всегда катались с горы.

Я бежал во весь дух, воображая себя конём, и вёз в санках Пушка.

Было очень хорошо: светило солнце, мороз щипал уши, нос. Зато ветер совсем утих, так что дым из деревенских труб не клубился, а прямыми столбами упирался в небо.

Я смотрел на эти столбы, и мне казалось, что это вовсе не дым, а с неба спускаются толстые синие верёвки и внизу к ним привязаны за трубы маленькие игрушечные домики.

Накатался я досыта с горы, повёз санки с ежом домой.

Везу—вдруг навстречу ребята: бегут в деревню смотреть убитого волка. Его только что туда охотники привезли.

Я поскорее поставил санки в сарай и тоже за ребятами в деревню помчался. Там мы побыли до самого вечера.

О Пушке я вспомнил только на другой день. Очень испугался, не убежал ли он куда. Сразу бро-

сился в сарай, к санкам. Гляжу — лежит мой Пушок, свернувшись, в ящичке и не двигается. Сколько я его ни тряс, ни тормошил, он даже не пошевелился. За ночь, видно, совсем замёрз и умер.

Побежал я к ребятам, рассказал о своём несчастье. Погоревали все вместе, да делать нечего, и решили похоронить Пушка в саду, закопать в снег в том самом ящичке, в котором он умер.

Целую неделю мы все горевали о бедном Пушке. А потом мне подарили живого сыча — его поймали у нас в сарае. Он был дикий. Мы стали его приручать и забыли о Пушке.

Но вот наступила весна, да какая тёплая! Один раз утром отправился я в сад: там весной особенно хорошо — зяблики поют, солнце светит, кругом лужи огромные, как озёра. Пробираюсь осторожно по дорожке, чтобы не начерпать грязи в калоши. Вдруг впереди, в куче прошлогодних листьев, что-то завозилось. Я остановился. Кто это — зверёк? Какой? Из-под тёмных листьев показалась знакомая мордочка, и чёрные глазки глянули прямо на меня.

Не помня себя, я бросился к зверьку. Через секунду я уже держал в руках Пушка, а он обнюхивал мои пальцы, фыркал и тыкал мне в ладонь холодным носиком, требуя еды.

Тут же на земле валялся оттаявший ящичек с сеном, в котором Пушок благополучно проспал всю зиму. Я поднял ящичек, посадил туда ежа и с торжеством принёс домой.

В О Р И Ш К А

Однажды нам подарили молодую белку. Она очень скоро стала совсем ручная, бегала по всем комнатам, лазила на шкафы, этажерки, да так ловко — никогда ничего не уронит, не разобьёт.

В кабинете у отца над диваном были прибиты огромные оленьи рога. Белка часто по ним лазила: заберётся, бывало, на рог и сидит на нём, как на сучке дерева.

Нас, ребят, она хорошо знала. Только войдёшь в комнату, белка прыг откуда-нибудь со шкафа прямо на плечо. Это значит — она просит сахара или конфетку. Очень любила сладкое.

Конфеты и сахар у нас в столовой, в буфете, лежали. Их никогда не запирали, потому что мы, дети, без спросу ничего не брали.

Но вот как-то зовёт мама нас всех в столовую и показывает пустую вазочку:

— Кто же это конфеты отсюда взял?

Мы глядим друг на друга и молчим — не знаем, кто это из нас сделал. Мама покачала головой и ничего не сказала. А на следующий день сахар из буфета пропал, и опять никто не сознался, что взял. Тут уж и отец рассердился, сказал, что теперь всё будет запирасть, а нам всю неделю сладкого не даст.

И белка заодно с нами без сладкого осталась. Вспрыгнет, бывало, на плечо, мордочкой о щёку трётся, за ухо зубами дёргает — просит сахара. А где его взять?

Один раз после обеда сидел я тихонько на диване в столовой и читал. Вдруг вижу: белка вскочила на стол, схватила в зубы корочку хлеба — и на пол, а оттуда на шкаф. Через минуту, смотрю, опять на стол, забралась, схватила вторую корочку — и опять на шкаф.

«Постой, — думаю, — куда это она хлеб всё носит?» Подставил я стул, заглянул на шкаф. Вижу — старая мамина шляпа лежит. Приподнял я её — вот тебе раз! Чего-чего только под нею нет: и сахар, и конфеты, и хлеб, и разные косточки...

Я — прямо к отцу, показываю: «Вот кто у нас воришка!»

А отец рассмеялся и говорит:

— Как же это я раньше не догадался! Ведь

это наша белка на зиму себе запасы делает. Теперь осень, на воле все белки корм запасают, ну и наша не отстаёт.

После такого случая перестали от нас запирасть сладкое, только к буфету крючок приделали, чтобы белка туда залезть не могла.

Но белка на этом не успокоилась, всё продолжала запасы на зиму готовить. Найдёт корочку хлеба, орех или косточку—сейчас схватит, убежит и спрячет куда-нибудь.

А то ходили мы как-то в лес за грибами. Пришли поздно вечером, усталые, поели — и скорее спать. Кошёлку с грибами на окне оставили: прохладно там, не испортятся до утра.

Утром встаём — вся корзина пустая. Куда же грибы делись? Вдруг отец из кабинета кричит, нас зовёт. Прибежали к нему, глядим—все олени рога над диваном грибами увешаны. И на крючке для полотенца, и за зеркалом, и за картиной — всюду грибы. Это белка ранёхонько утром постаралась: развесила грибы себе на зиму посушить.

В лесу белки всегда осенью грибы на сучьях сушат. Вот и наша поспешила. Видно, почуяла зиму.

Скоро и вправду наступили холода. Белка всё старалась забраться куда-нибудь в уголок, где бы потеплее, а как-то раз она и вовсе пропала. Искали, искали её — нигде нет. Наверное, убежала в сад, а оттуда в лес. Жалко нам стало нашей белочки.

Собрались топить печку, закрыли отдушник, наложили дрова, подожгли. Вдруг в печке как заводится что-то, зашуршит! Мы отдушник поскорее открыли, а оттуда белка пулей выскочила — и прямо на шкаф.

А дым из печки в комнату так и валит, в тру-

бу никак не идёт. Что такое? Брат сделал из толстой проволоки крючок и просунул его через отдушину в трубу, чтобы узнать, нет ли там чего.

Глядим—тащит из трубы галстук, мамину перчатку, даже бабушкину праздничную косынку там разыскал.

Всё это наша белка себе для гнезда в трубу затащила. Вот ведь какая! Хоть и в доме живёт, а лесные повадки не оставляет. Такова уж, видно, их беличья натура.

СИРОТКА

Принесли нам ребята небольшого сорочонка... Летать он ещё не мог, только прыгал. Кормили мы его творогом, кашей, мочёным хлебом, давали маленькие кусочки варёного мяса; он всё ел, ни от чего не отказывался.

Скоро у сорочонка отрос длинный хвост и крылья обросли жёсткими чёрными перьями. Он бы-

стро научился летать и переселился на житьё из комнаты на балкон.

Только вот какая с ним была беда: никак наш сорочонок не мог выучиться самостоятельно есть. Совсем уж взрослая птица, красивая такая, летает хорошо, а еду всё, как маленький птенчик, просит. Выйдешь на балкон, сядешь за стол, сорока уж тут как тут, вертится перед тобой, приседает, топорщит крылышки, рот раскрывает. И смешно и жалко её. Мама даже прозвала её Сироткой. Сунет ей, бывало, в рот творогу или мочёного хлеба, проглотит сорока—и опять начинает просить, а сама из тарелки никак не клюёт. Учили-учили мы её—ничего не вышло, так и приходилось ей в рот корм запихивать. Наестся, бывало, Сиротка, встряхнётся, посмотрит хитрым чёрным глазком на тарелку, нет ли там ещё чего-нибудь вкусного, да и взлетит на перекладину под самый потолок или полетит в сад, на двор... Она всюду летала и со всеми была знакома: с толстым котом Иванычем, с охотничьей собакой Джеком, с утками, курами; даже со старым драчливым петухом Петровичем сорока была в приятельских отношениях. Всех он на дворе задирал, а её не трогал. Бывало, клюют куры из корыта, и сорока тут же вертится. Вкусно пахнет тёплыми мочёными отрубями, хочется сороке позавтракать в дружеской куриной компании, да ничего не выходит. Пристаёт Сиротка к курам, приседает, пищит, клюв раскрывает — никто её покормить не хочет. Подскочит она и к Петровичу, запищит, а тот только взглянет на неё, забормочет: «Это что за безобразие!» — и прочь отойдёт. А потом вдруг захлопает своими крепкими крыльями, вытянет кверху шею, натужится, на цыпочки привстанет да как запоёт: «Ку-ка-ре-ку!» — так громко, что даже за рекой слышно.

А сорока попрыгает-попрыгает по двору, в конюшню слетает, заглянет к корове в стойло... Все сами едят, а ей опять приходится лететь на балкон и просить, чтобы её из рук кормили.

Вот однажды некому было с сорокой возиться. Целый день все были заняты.

Уж она приставала-приставала ко всем, никто её не кормит!

Я в этот день с утра рыбу на речке ловил, вернулся домой только к вечеру и выбросил на дво-

ре оставшихся от ловли червей. Пусть куры поклюют.

Петрович сразу заметил добычу, подбежал и начал сзывать кур: «Ко-ко-ко-ко! Ко-ко-ко-ко!» А они, как назло, куда-то разбрелись, ни одной во дворе нет. Уж петух прямо из сил выбивается! Зовёт, зовёт, потом схватит червяка в клюв, потрясёт им, бросит и опять зовёт — ни за что первый съест не хочет. Даже охрип, а куры всё не идут.

Вдруг, откуда ни возьмись, сорока. Подлетела к Петровичу, растопырила крылья и рот раскрыла: покорми, мол, меня.

Петух сразу приободрился, схватил в клюв огромного червяка, поднял, трясёт им перед самым носом сороки. Та смотрела, смотрела, потом цоп червяка — и съела! А петух уж ей второго подаёт. Съела и второго и третьего, а четвёртого Петрович сам склевал.

Гляжу я из окна и удивляюсь, как петух сороку из клюва кормит: то ей даст, то сам съест, то опять ей предложит. А сам всё приговаривает: «Ко-ко-ко-ко!..» Кланяется, клювом червей на земле показывает: ешь, мол, не бойся, вон они какие вкусные.

И уж не знаю, как это у них там всё получилось, как он её растолковал, в чём дело, только вижу, закокал петух, показал на земле червяка, а сорока подскочила, повернула головку на бок, на другой, пригляделась и съела прямо с земли. Петрович даже головой в знак одобрения тряхнул; потом схватил сам здоровенного червяка, подбросил, перехватил клювом поудобнее и проглотил: вот, мол, как по-нашему.

Но сорока, видно, поняла, в чём дело, — прыгает возле него да поклёвывает. Начал и петух червей

подбирать. Так наперегонки друг перед другом стараются — кто скорей. Вмиг всех червей склевали.

С тех пор сороку кормить из рук больше не приходилось. В один раз её Петрович выучил с едой управляться. А уж как он это ей объяснил, я и сам не знаю.

ЗАБОТЛИВАЯ МАМАША

Как-то раз пастухи поймали лисёнка и принесли его нам. Мы посадили зверька в пустой амбар.

Лисёнок был ещё маленький, весь серый, мордочка тёмная, а хвост на конце беленький. Зверёк забился в дальний угол амбара и испуганно озирался по сторонам. От страха он даже не кусался, когда мы его гладили, только прижимал уши и весь дрожал.

Мама налила ему в мисочку молока, поставила тут же, рядом. Но напуганный зверёк молоко пить

не стал. Тогда папа сказал, что лисёнка надо оставить в покое — пусть оглядится, освоится на новом месте.

Мне очень не хотелось уходить, но папа запер дверь, и мы ушли домой. Был уже вечер, скоро все легли спать.

Ночью я проснулся. Слышу, где-то совсем рядом твюкает и скулит щенок. Откуда же, думаю, он взялся? Выглянул в окно. На дворе уже светало. Из окна был виден амбар, где находился лисёнок. Оказывається, это он так по-щенячьи скулил.

Прямо за амбаром начинался лес.

Вдруг я увидел, что из кустов выскочила лисица, остановилась, прислушалась и крадучись подбежала к амбару. Сразу твюканье в нём прекратилось, вместо него послышался радостный визг.

Я потихоньку разбудил маму и папу, и мы все вместе стали глядеть в окно.

Лисица бегала вокруг амбара, пробовала подрывать землю под ним. Но там был крепкий, каменный фундамент, и лиса ничего не могла сделать. Вскоре она убежала в кусты, а лисёнок опять начал скулить.

Я хотел караулить лисицу всю ночь, но папа сказал, что она больше не придёт, велел ложиться спать.

Проснулся я поздно и, одевшись, прежде всего поспешил навестить лисёнка. Что такое?.. На пороге, возле самой двери, лежал мёртвый зайчонок.

Я скорее побежал к папе и привёл его с собой.

— Вот так штука! — сказал папа, увидя зайчонка. — Это, значит, мать-лиса ещё раз приходила к лисёнку, принесла ему еду. Попасть внутрь она не смогла, так и оставила снаружи. Ну и заботливая мамаша!

Весь день я вертелся около амбара, заглядывал в щёлки и два раза ходил с мамой кормить лисёнка.

А вечером я никак не мог заснуть, всё вскакивал с постели и смотрел в окно — не пришла ли лисица.

Наконец мама рассердилась и завесила окно тёмной занавеской.

Зато утром я поднялся чуть свет и сразу побежал к амбару. На этот раз на пороге лежал уже не зайчонок, а задушенная соседская курица. Видно, лиса ночью опять приходила проведать лисёнка. Добычу в лесу ей поймать для него не удалось, вот она и залезла к соседям в курятник, задушила курицу и принесла своему детёнышу.

За курицу папе пришлось заплатить, к тому же здорово досталось от соседей.

— Убирайте лисёнка куда хотите, — кричали они, — а то с ним лиса всю птицу у нас переведёт!

Делать было нечего. Папа посадил лисёнка в мешок и отнёс назад в лес, к лисьим норам.

С тех пор лиса в деревню больше не приходила.

У Ш А Н

Охотиться я начал очень рано. Когда мне исполнилось двенадцать лет, папа подарил мне ружьё и стал брать с собой в лес и на болото.

Вот как-то осенью возвращались мы с охоты. Слез я с телеги и пошёл рядом — ноги размять. А проезжали мы через лесок. Вся дорога была завалена жёлтыми листьями: они лежали толстым пушистым слоем, шуршали под ногами. Так я и шёл, глядя под ноги, и гнал перед собою большую пушистую волну

листьев. Вдруг вижу — на дороге меж листьев что-то темнеет. Нагнулся, смотрю — зайчонок, да такой маленький! Я так и ахнул: ведь только что здесь телега проехала, как же она зайчонка не раздавила?

— Ну, — говорю, — видно, такой ты, зайка, счастливый!

Взял я его на руки, а он съёжился на ладони, сидит, дрожит, а бежать и не собирается. «Возьмука, — думаю, — его к себе домой, может, он у меня и выживет, а то всё равно погибнет — уж очень поздно родился. Ведь скоро зима настанет, замёрзнет, бедняга, или попадёт лисе на завтрак».

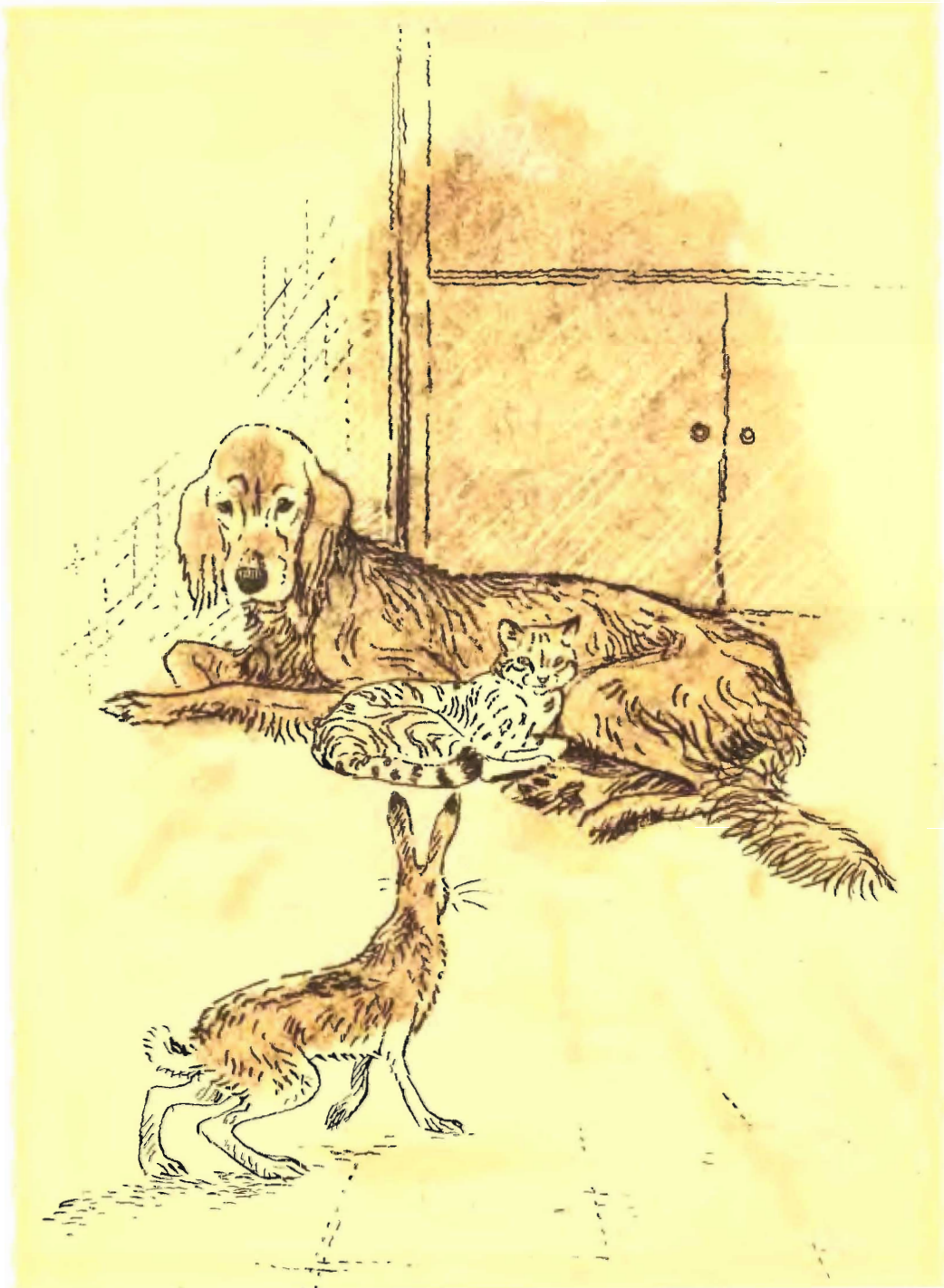
Настелил я в охотничью сумку листьев, посадил туда зайчонка и привёз домой. Дома мама налила в блюдечко молока, предложила зайке. Только он пить не стал — мал ещё, не умеет. Тогда мы взяли пузырёк, вылили туда молоко, надели на пузырёк соску и дали зайчонку. Он понюхал соску, поводит усами. Мама выдавила из соски каплю молока, помазала зайчонку нос. Он облизнулся, приоткрыл рот, а мы ему туда кончик соски и всунули. Зайчонок зачмокал, засосал да так весь пузырёк и выпил.

Прижился у нас зайка. Прыгает по комнатам, никого не боится.

Прошёл месяц, другой, третий... Вырос наш заяц, совсем большой стал, и прозвали мы его Ушан. Жить он устроился под печкой. Как испугается чего-нибудь — прямо туда.

Кроме Ушана, у нас жил старый кот Иваныч и охотничья собака Джек.

Иваныч с Джеком были самые большие приятели. Вместе ели из одной чашки, даже спали вместе. У Джека лежала на полу подстилка. Зимой, когда в доме становилось холодно, придёт, бывало, Иваныч и пристроится к Джеку на подстилку, свернётся

клубочком. Джек сейчас же к нему: уткнётся своим носом Иванычу прямо в живот и греет морду, а сам дышит тепло-тепло, так что Иваныч тоже доволен.

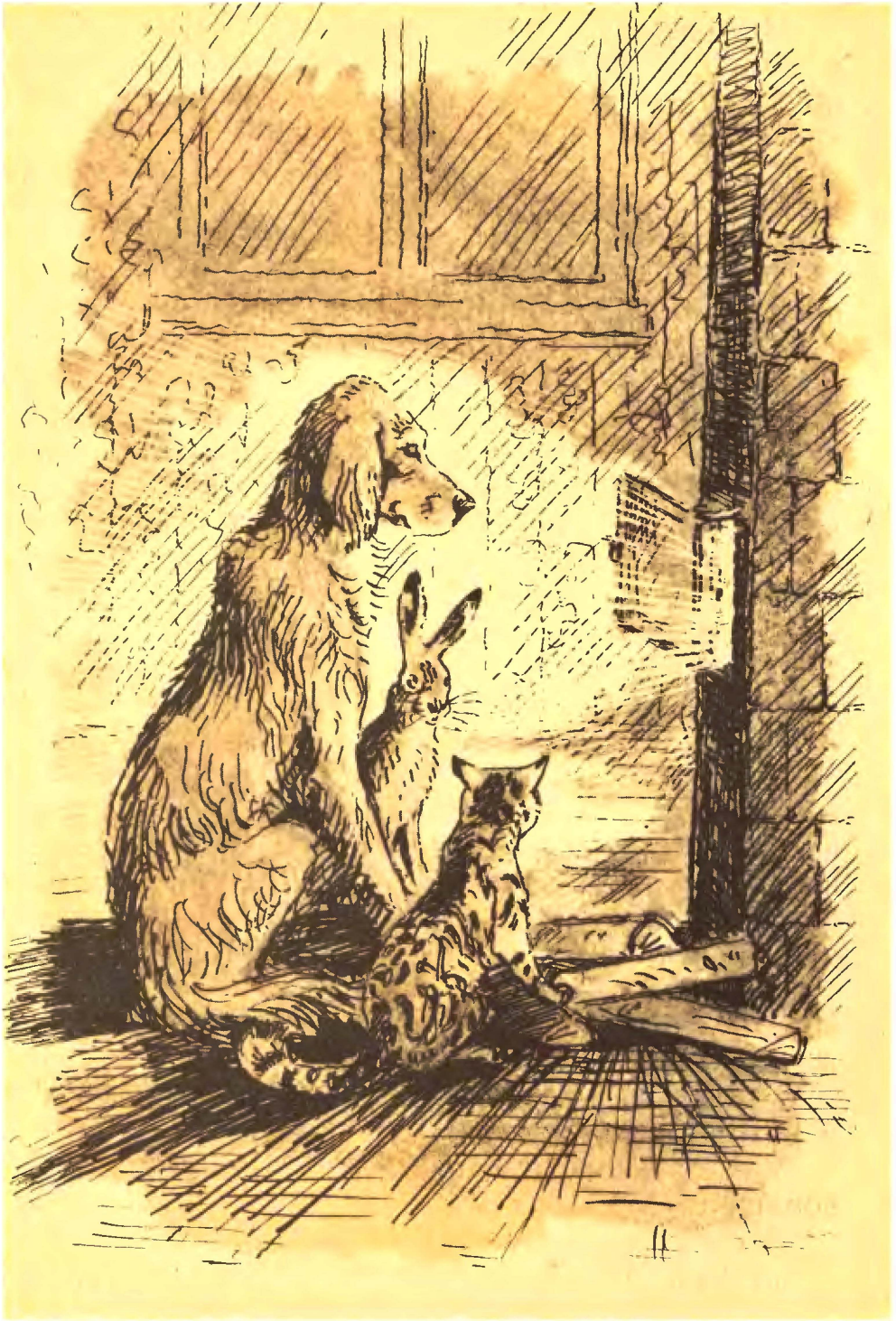
Когда в доме появился заяц, Иваныч на него не обратил никакого внимания, а Джек сначала немножко побеспокоился, но скоро тоже привык; а потом все трое очень подружились.

Особенно хорошо бывало по вечерам, когда за-топят печку. Сейчас же все они к огоньку — греться. Улягутся близко-близко друг к другу и дремлют. В комнате темно, только красные отблески от печки по стенам бегают, а за ними чёрные тени, и от этого кажется, что всё в комнате движется: и столы и стулья будто живые. Дрова в печке горят, горят, да вдруг как треснут — и вылетит золотой уголёк. Тут друзья от печки — врассыпную. Отскочат и смотрят друг на друга, точно спрашивая: «Что случилось?» Потом понемножку успокоятся — и опять к огоньку.

А то затеют игру. Начиналось это всегда так. Вот лежат они все трое вместе, дремлют. Вдруг Иваныч Ушана легонько лапой хватить! Раз тронет, другой... Заяц лежит-лежит да вдруг как вскочит — и бежать, а Иваныч — за ним, а Джек — за Иванычем, и так друг за дружкой по всем комнатам. А как зайцу надоест, он марш под печку, вот и игре конец.

А перед тем как улечься спать, Ушан каждый раз, бывало, следы свои запутывал. На воле заяц всегда так делает: начинает бегать в разные стороны — то направо побежит, то налево. Если на снегу посмотреть заячий след, так и не разберёшь, куда заяц ушёл. Недаром такие следы называются «заячьи петли». Наткнётся охотничья собака на заячьи петли — пока разбирается, ходит по следу туда-сюда, а заяц уже давно услышал её и убежал.

Вот и наш Ушан каждый день, прежде чем залезть под печку, старался следы свои запутать.

Бывало, прыгает взад и вперёд по комнате, выделывает свои заячьи петли, а тут же на ковре дремлет охотничья собака Джек и посматривает на него одним глазом, будто смеётся над глупым зайцем.

Так прожил у нас Ушан всю зиму. Настала весна, дружная, тёплая... Не успели оглянуться, как уже зазеленела трава. Решили мы Ушана в лес, на свободу, выпустить. Посадил я его в корзинку, пошёл в лес и Джека с собой взял — пусть проводит приятеля. Хотел и Иваныча в корзинку посадить, да уж очень тяжело нести; так и оставил дома.

Пришли мы в лес, вынул я Ушана из корзинки, пустил на траву. А он и не знает, что дальше делать, не бежит, только ушами шевелит. Тут я хлопнул в ладоши. Заяц прыг-прыг! — и поскакал к кустам. Джек увидел — скорей догонять. А Ушан всё в лес не бежит, скачет вокруг куста, и Джек за ним так и носится, будто дома.

«Вот, — думаю, — по кустам-то лучше друг за другом гоняться, чем по комнатам».

Я на зайца кепкой махнул, кричу:

— Беги в лес, косой! Чего здесь вертишься?

Ушан испугался, поскакал в лес, и Джек за ним.

Подождал я — Джек не возвращается. Только вдруг слышу в лесу заячий крик, ещё и ещё. Я на крик бросился, добежал, гляжу — а уж Джек держит в зубах Ушана.

Я — на помощь:

— Брось! Что ты делаешь? Ведь это наш Ушан!

А Джек смотрит на меня и хвостом виляет, будто хочет сказать: «Я же тебе зверя поймал, а ты на меня кричишь».

Видно, не узнал он в лесу Ушана да и схватил, как обыкновенного дикого зайца.

Отнял я Ушана, посадил на траву, а сам Джека за ошейник держу, не пускаю.

Тут и зайка, наверно, смекнул, что в лесу с собакой не поиграешь. Приложил уши — и марш в кусты. Только мы его с Джеком и видели.

ЛЕСНОЙ ГОЛОСОК

Солнечный день в самом начале лета.

Я брожу неподалёку от дома в берёзовом перелеске. Всё кругом будто купается, плещется в золотистых волнах тепла и света. Надо мной струятся ветви берёз. Листья на них кажутся то изумрудно-зелёными, то совсем золотыми. А внизу под берёзами по траве тоже, как волны, бегут и струятся лёгкие синеватые тени. И светлые зайчики, как отражения солнца в воде, бегут один за другим по траве, по дорожке.

Солнце и в небе, и на земле... И от этого становится так хорошо, так весело, что хочется убежать куда-то вдаль, туда, где стволы молодых берёзок так и сверкают своей ослепительной белизной.

И вдруг из этой солнечной дали мне послышался знакомый лесной голосок: «Ку-ку, ку-ку!»

Кукушка! Я уже слышал её много раз, но никогда ещё не видал даже на картинке. Какая она из себя? Мне почему-то она казалась толстенькой, головастой, вроде совы. Но, может, она совсем не такая? Побегу — погляжу.

Увы, это оказалось совсем не просто. Я — к ней на голос. А она замолчит, и вот снова: «Ку-ку, ку-ку!» — но уже совсем в другом месте.

Как же её увидеть? Я остановился в раздумье. А может, она играет со мною в прятки? Она прячется, а я ищу. А давай-ка играть наоборот: теперь я спрячусь, а ты поищи.

Я залез в куст орешника и тоже кукукнул раз, другой. Кукушка замолкла: может, ищет меня? Сижу молчу и я, у самого даже сердце колотится от волнения. И вдруг где-то неподалёку: «Ку-ку, ку-ку!»

Я молчок: поищи-ка лучше, не кричи на весь лес. А она уже совсем близко: «Ку-ку, ку-ку!»

Гляжу, через поляну летит какая-то птица, хвост длинный, сама серая, только грудка в тёмных пестринках. Наверное, ястребёнок. Такой у нас во дворе за воробьями охотится. Подлетел к соседнему дереву, сел на сучок, пригнулся да как закричит: «Ку-ку, ку-ку!»

Кукушка! Вот так раз! Значит, она не на сову, а на ястребка похожа.

Я как кукукну ей из куста в ответ! С перепугу она чуть с дерева не свалилась, сразу вниз с сучка метнулась, шмыг куда-то в лесную чашу, только её и видел.

Но мне и видеть её больше не надо. Вот я и разгадал лесную загадку, да к тому же и сам в первый раз заговорил с птицей на её родном языке.

Так звонкий лесной голосок кукушки открыл мне первую тайну леса. И с тех пор вот уж полвека я брожу зимою и летом по глухим, нехоженным тропам и открываю всё новые и новые тайны. И нет конца этим извилистым тропам, и нет конца тайнам родной природы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУШОК	3
ВОРИШКА	7
СИРОТКА	12
ЗАБОТЛИВАЯ МАМАША	17
УШАН	21
ЛЕСНОЙ ГОЛОСОК	28

Скребицкий Г. А.

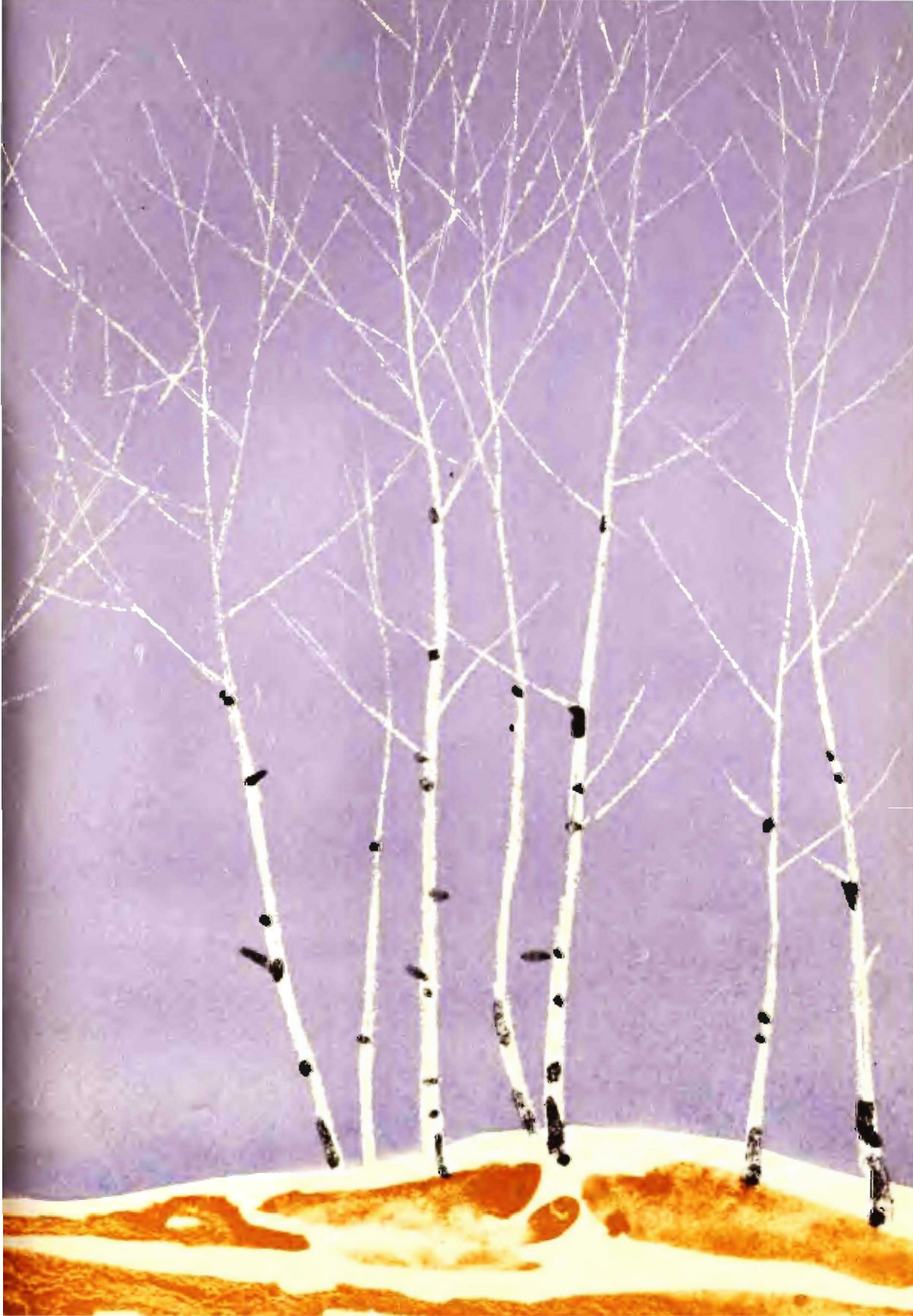
С 45 Лесной голосок: Рассказы/Рис. А. Келейникова.—Переизд.—М.: Дет. лит., 1983.—32 с., ил.—(Читаем сами).

10 коп.

В книге собраны рассказы о природе, о животных.

4803010102—008
С—401—84
М101(03)84

P2

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

Издательство «Детская литература»
В серии «Читаем сами» в 1984 году вышли и выходят
следующие книги:

Благинина Е.

ВОТ КАКАЯ МАМА
Стихи.

Богданов Н.

ХОРОШАЯ ПОСЛОВИЦА

Рассказы о Великой Отечественной войне из цикла «О смелых и умелых»

Заходер Б.

ЗВОНКИЙ ДЕНЬ

Весёлые стихи для первоклассников

Катаев В.

ЦВЕТИК-СЕМИЦВЕТИК

В книгу включены две широкоизвестные сказки писателя: «Цветик-семицветик», «Дудочка и кувшинчик»

Перовская О.

ТИГРЕНОК ВАСЬКА

Рассказы о животных, о дружбе детей с животными.

Для младшего школьного возраста

Георгий Алексеевич Скребицкий

ЛЕСНОЙ ГОЛОСОК

Рассказы

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ответственный редактор С. В. Орловский. Художественный редактор И. Э. Лейтман. Технический редактор Л. П. Коваленко и Н. С. Широкоев. Корректор О. И. Нелюбова. Слово и набор 15.06.83. Подписано в печать 26.10.83. Формат 70×100/32. Бумага офсетная №2. Шрифт литературный. Печать офсетная. Услов. печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 5,8. Изд. № 991. Тираж 2 000 000 экз. 1980 001 — 2 000 000 экз. Заказ № 328. Цена 10 коп. Орловское Трудовое Ученое общество и Дружеская организация «Детская литература». Государственный комитет РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 153250, Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2. Ул. Славянской. Государственный комитет РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 193035, Ленинград, 2-я Славянская, 7.